

ДАЖЕ летом окраинная Петропавловская улица жила смиренно, как бедная сирота, в ярмарочном сумасбродном Нижнем Новгороде...

По осени же, когда низкорослые дома ее становились темными от частых безутешных дождей, улица заунывно стирала.

Улица испуганно поеживалась, слушая в сырых сумасбродных кураж питейного заведения на Ошарской площади, то хохочущие голоса сов, что гнездились над крестами и склепами старого городского кладбища.

Но выдавались и ясные дни. Дети изумленные, родниковые, кроткие... Становилось тихо и печально, и было слышно, как шелестят под ветерком, вспоминая прошлое, сухие, опавшие листья...

В такие дни восьмилетняя девочка, что жила на окраинной улице, не раз видела, как из соседнего дома выводили на свет божий, на солнышко седобородого старика. Он сидел возле крыльца в меховой бейрукавке и молча радовался земной благодати...

Девочка знала от родных, что старик — известный писатель, но не решалась подойти к нему. Когда же осень, охладев, затуманилась и выпал внезапный, как удивление, первый снег, старик совсем перестал выходить на улицу.

Девочка забыла о старике. Но однажды, на исходе зимы, на улице зашуршали, словно по насту поэмка, соседские разговоры.

— Умер господин Мельников! Павел Иванович... — Старик? Писатель?

Из пригородной деревеньки Ляхово молчаливую толпой пришли мужики в тяжелых овчинных тулупах: умер старый барин.

На их плечах гроб с умершим медленно проплыл вдоль окраин города к воротам Крестовоздвиженского монастыря.

Шел февраль 1883 года. В родном Нижнем Новгороде скончался писатель Павел Иванович Мельников-Печерский.

А девочка, видевшая это, — моя бабушка, Надежда Николаевна Сысина-Адрианова, которая жила в детстве на Петропавловской (Большой Солдатской) улице, нынешней улице Володарского. Я слушал ее рассказ, будучи студентом, в самом конце пятидесятих годов.

Моя родная улица — улица Ульянова. Потому с той поры, как помню себя, помню я и угловой деревянный дом, отмеченный еще с дореволюционной поры мемориальной доской. Здесь родился П. И. Мельников-Печерский.

У моей бабушки был своеобразный культ Андрея Печерского, потому-то с ее благословения я прочел роман «В лесах» где-то лет в двенадцать, когда еще на прочтение «толстых» книг нужно определенное мальчишеское «мужество».

В ту пору мне уже пришлось побывать на Керженце, жить в селе Покровском, и неизъяснимая красота заволжских лесов навечно отложилась в душе.

«Верховое Заволжье — край привольный. Там народ досужий, бойкий, смысленный и ловкий. Таково Заволжье сверху от Рыбинска вниз до устья Керженца».

...Судя по людскому, наречному говору — новгородцы в давние Юриковы времена там поселились. Преданья о Батыевом разгроме

там свежи. Укажут и «тропу Батыеву», и место невидимого града Китежа на озере Светлом Яре».

Колдовские, хмельные слова! Кружат они голову и заставляют смотреть на нижегородскую отчину пылливо и радостно.

Каждое слово сочное, выпуклое. Горят слова, словно капельки брусничин на синевато-седом мху старого запоевского бора. И нет этому другого имени, как имя златотканой русской прозы.

В доме у нас был большой альбом с иллюстрациями Петра Боклевского к романам Мельникова-Печерского: красавица Настя Чапурина с надменным вскинутым лицом, в меховой шубейке, накинутой на плечи, Стуколов, злой и нахохленный, как разбуженный светом филин.

Не все образы совпадали с тем, что я представлял себе, задумавшись над неторопли-

рождением и смертью своею обрученный с нашим городом, его людом, его историей.

В первый период своего творчества Мельников-Печерский был близок к Салтыковым-Щедринным, его ранние повести и рассказы вызывали сочувственные отзывы Чернышевского и Добролюбова. Нижегородская земля и тогда была главным героем: в «Именном пироге» — Семенов, в «Красильниковых» — Арзамас; «Старые годы» повествуют о бесноватом, пресыщенном владельце лысковских пределов — князе Грузинском.

Многие вдохновения писателя стали блестящими беллетризованными страницами о нижегородской истории.

Я уже не говорю о таких специальных, исследовательских работах, как «Очерки поповщины», «Очерки мордвы», как «Исторические за-

вносил запустенье и одновременно вынашивал и возводил одухотворенный памятник — «В лесах» и «На горах»! Он рушил устои старого Керженца и бережно, как горсть отчей земли в холстинке, уносил в душе великое и первородное русское слово. У В. Г. Короленко в очерках «В пустынных местах» есть такие строки о встрече с кержаком возле Оленева: «Он тоже стоял, задумчиво глядя на поляну, на которой ветер колыхал сухую траву, — и эта молчаливая минута как будто несколько сблизила нас...»

— Это все, — сказал он, тряхнув шапкой черных волос, — это все жилие было кругом. А ныне пустырь.

— А вы «раззорение» помните?

— Мальчонком был. Много лет делу-то этому.

— Мельников?

— Он.

И опять наши взгляды молчаливо скользят по рывинам, поросшим травой».

Полынная память засохла. А слово — вечно зеленое.

И был бы для нас Мельников-Печерский чуждым, если бы ни слово и очарование цельных, русских характеров.

Эти образы, как древние северные соборы, что строили мастера без единого гвоздя. Перед которыми невольно думаешь: «Как же это все получилось? Чудо какое! Чудо рукотворное!» И, когда слушаешь музыку Римского-Корсакова из «Града Китежа», в глазах встают образы знаменитых романов. Хотя, кроме места действия, ничего общего нет.

Нет, есть! Здесь не только соприкосновение с нижегородской землей: проза Андрея Печерского музыкальна, она сливается внутренним настроением с языком музыки, с творчеством безымянных золотощеек, что вышлывали, украшая скатным жемчугом древние плащаницы.

П. И. Мельникову-Печерскому не повезло на исследователей. Первая солидная книга — исследование о нем, может, к земляческой радости вышла у нас в Горьком в прошлом году.

Автор ее — Валентина Федоровна Соколова.

Вспомним: М. Горький писал в письме к Г. Треневу: «Позвольте посоветовать следующие: пошгудируйте богатейшие лексикаторы наших — Лескова, Печерского, Левинова, купно с такими формовщиками слова и знатоками пластики, каковы Тургенев, Чехов, Короленко».

Произведения многих писателей, которым быстротекущая жизнь выдавала торпливо охранные грамоты с гарантией о бессмертии и вечности, забыты. Книги их давно никто не читает.

А вот романы Мельникова-Печерского с мудрым достоинством уже подпольвают к берегам двадцать первого столетия. И будут плыть дальше, неся сквозь годы суть русского характера и русского слова.

В том таинстве и колдовская сила писателя — нижегородца Павла Ивановича Мельникова-Печерского.

Это классик. Теперь его причастность к этой великой когорте нравственных воспитателей народа беспорна.

И сегодня, через сто лет, мы бы не вспоминали о его кончине, если бы книги удивительного, врачующего людские души кудесника не жили среди живых и не радовали нас своею неиссякаемой щедростью красоты и разума.

Юрий АДРИАНОВ.

ЗОЛОТЫХ ДЕЛ МАСТЕР

выми страницами романа. Но вот Фленушка, озорная, большеглазая Фленушка, осталась тихой, юношеской любовью на всю жизнь.

Как-то лет пятнадцать назад ехал я с друзьями на весеннюю охоту, на тетеревиные тока, в керженские края. Мы сидели на скрипучей, жалобливой телеге. Проезжали через какую-то деревню. Один из моих спутников сказал: «А ведь здесь была могилка Фленушки!».

Я соскочил с телеги. Остановился, ища глазами что-то необыкновенное, что-то такое, где бы запечатленно взглянули на меня милые девичьи черты. Все было до обидного обычным...

Но тут-то вдруг я с радостью заметил тонкие, словно на «житийных» полотнах Нестерова, весенние рябины. И пошла река моей дороги дальше между берегами горести и радости:

«Так мне стало горько-горько

За девичью судьбу,

Что увидел на пригорке

Трех рябинок худобу.

И припомнился мне дальний

Крест житейских неудач —

Шитый жемчугом печальным

Ксеньи Годуновой плач».

У каждого свой Мельников-Печерский! Своя с ним первая встреча и свое житье с его книгами.

В доме на улице Ульянова (старой Тихоновской), где родился писатель, жили в пятидесятые годы знакомые нашей семьи. Изредка бывая там, я тоже по-детски старался представить давние времена и человека, что описал Фленушку.

Звонкая, вешняя, она светила среди скитских манеф, словно солнечное пятнышко, упавшее на тяжелое черное покрывало.

Мельников-Печерский близок мне подлинностью земли своей и подлинного знания. Слово утренние пелухи, весело перекликаются у него на страницах родные имена наших городков, сел и рек.

Он — нижегородец всем своим творчеством, словом, всей своего сутью, нижегородец, как говаривали, «до мозга костей». Нижегородец,

метки», «Предания в Нижегородской губернии», статьи «Аввакум Петрович» или «Счисление раскольников».

Свое литературное имя он нашел поодаль родного дома. Как-то зайдя в гости к Владимиру Ивановичу Далю, что жил «в шабрах» через несколько домов на Мартыновской улице, молодой Мельников высказал ему мысль о придумывании литературно-псевдонима.

Сын писателя Андрей Павлович Мельников, художник и краевед, автор книг «Столетие Нижегородской ярмарки», «Нижегородская старина» и других, так передает рассказ отца:

— Ну, а где вы живете, — перебил Даль.

— В Нижнем. Нижегородский, Нижегородцев — все как-то неблаговзучно.

— Нет, да вы мне скажите, где живете, — настаивал Даль.

— Как где? В Нижнем.

— А где именно в Нижнем?

— На Печерке.

— Вот вам и псевдоним — Печерский. Да еще, кроме того, вы живете в доме Андрея.

— «Андрей Печерский». Это литературное имя впервые появилось на страницах губернской газеты в 1856 году. Появилось, чтобы жить вечно.

У каждого — свой Мельников-Печерский. Он, как истинно русский талант, талант колодезных глубин, утоляет жажду к прекрасному каждого нового поколения.

Но когда я думаю о Мельникове — администраторе консервативного толка, чиновнике министерства внутренних дел, то невольно вспоминаю гютчевские строки:

«О, как убийственно мы любим,

Как в буйной слепоте страстей

Мы то всего вернее губим,

Что сердцу нашему милей».

Кержацкая Русь прокланала его, Мельникова — разрушителя скитов, изгнателя древних старOVERских святых. Он был для них наперсником дьявола, и его именем в заволжских селах пугали малых детей.

Он разрушал, как администратор, то, что тайно и явно любил, как художник. Он рушил стены скитских срубов,